

“А

голубцы у Раечки были просто бесподобные, настоящий цимес!», — слышит сквозь сон веселый голос жены Лев Сергеевич. Опять... Последние полгода он, если и просыпается раньше времени, то лишь от ее, Тамариных, раскатов голоса, шуток и смеха. Что поделаешь, в одесской семье, где она росла, бытовало такое убеждение: без юмора день пропаций. Потому и детям своим родители Тамары прививку к веселью сделали в первую очередь; раньше, пожалуй, чем их сын и дочь начали ходить. Но это ладно. Вопрос в другом: откуда сейчас взялся здесь женин голос?

Схватив с тумбочки нахально молчащий будильник, Лев Сергеевич подносит его к глазам вплотную, в глубине души надеясь на благополучный исход. Где там, проспал! А ведь накручивал с вечера пружинку, ставил стрелки на утренний звонок, он что, не помнит? Ладно. Без паники. Рассуждать уже поздно. Вперед!

Как и все опаздывающие люди, полноватый, но вполне еще осанистый и достаточно юркий для своих шестидесяти с хвостиком «Кент» (так, панибратски, кличет всех знакомых мужчин друг семьи, очень крупный специалист по ленивым вареникам и капустным голубцам Раиса Матвейчук), суетливо мечется по квартире, мыча сквозь зубы, роняя тапочки, зубную щетку, очки и хватаясь за разные мелочи —

носовой платок, часы, носки, расческа, на опуская главное — одежду... И неясно, как долго продолжалась бы эта утренняя лихоманка, если бы откуда-то из космического далека не донесся властный зов супруги: «Левка, немедленно положи все на место! Стой! Замри!» И Лев Сергеевич тут же останавливается. Застывает, втянув живот и вытянув руки вдоль семейных трусов по швам. А затем, словно после сеанса гипноза, слегка шлепает себя ладошкой по лбу, прощаясь с лихорадкой бессмысленного «икрометания» и начиная иной, спокойный, осмысленный, а, главное, последовательный порядок действий. В точном соответствии с приказом жены.

А это значит: умыться, но не бриться. Раз! Ничего страшного: почти все телевизионные джентльмены щеголяют кто недельной, кто месячной поросычей щетиной, подавая пример для подражания многомиллионной армии мужчин-телезрителей.

Жевнуть? Хватит вчерашней плюшки с йогуртом. Ничего, что черствая. Кстати, этот сплюснутый пластмассовый стакашек уже давно просится в мусорное ведро. Ути-ути, ныряй в цыбарку, миленький! Это два-с.

Таблетки? Некогда, пусть полежат. И так наглotalся их за последние полгода пригоршнями... Это три-с.

Что еще? Джинсы — вжик! Ботинки — вжуххх! Свитер — втюх! Куртка, шарфик, шапка — все на месте. Аллес гут! Кент готов на баррикады!

Ужом скользнув по коридору в тамбур, не встретив укоризненный Тамарин взгляд, Лев Сергеевич аккуратно прокручивает за собой оба ключика в хорошо смазанных графитом замках. Еще раз, теперь уже спускаясь в лифте с девятого этажа на первый, перебирает в уме, ничего ли не забыл: газ, вода, свет, мусор? Не трогал... Перекрыл... Не включал... Пакет выбросил... Все! Тамаре не к чему будет придраться. А для него отныне быт забыт. Свобода!

«Ихь бин хойте орднер» — на ужасном немецком сипло сообщает беглец заспанной вахтерше — узбечке или таджичке, — обладательнице раскосых глаз и плоского, как блин, смуглого личика. От его «шрэклихь дойч» напуганная консьержка немедленно задерживает тюлевую шторку на окошке, по-утиному ныряет ниже подоконника и, силой воли усмиряя учащенное биение сердца, ждет не дождется пения домофона при выходе какого-то странного «немца» из подъезда. О, аллах, наконец-то!

\* \* \*

С детских лет, зная назубок все проходные дворы, проулки и закоулки родной своей Зацепы, где, по Михалкову, мамы водят два прицепа, Лев Сергеевич, ловко скользя по ледянкам, легко преодолевает заснеженные тропки-«укоротки», почти вдвое сокращая расстояние на пути к станции метро «Павелецкая». Шальная предновогодняя пятница, щедрая на крепкий морозец с едким ветерком и хвостатую поземку, за одну ночь превратила вчерашние рыхлые от дождя ватные ветки на деревьях и кустарниках в ледяные люстры, звонкий хрустальный стеклярус, исполняющий перестуком кастаньет некую зимнюю мелодию, похожую на вступление оркестра народных инструментов к бессмертному балету «Баядерка».

«Кентгу» любая непогода нипочем, коль упакован он в финский зимний наряд из трех составляющих: куртка, шапка, капюшон. Тишком-нишком, где вжимаясь бочком в перила, где орудуя бедром, локотком или плечиком, оттирая медлительных приезжих, нерешительно толпящихся

у касс и турникетов, Лев Сергеевич быстро достигает поношенной лестницы эскалатора, с которой грех, пока ноги носят, не промчатся, как бывалоча, минуя одну-две ступеньки, вниз. И этаким шнырем, штырем, штопором ввинтиться в узкую полоску смыкающихся было дверей последнего вагона. Получив на прощанье тяжкий вздох и безмолвное порицание всех поколений метростроевцев, проложивших подземные дороги вовсе не для того, чтобы здесь лихачили вот такие престарелые сорванцы, которые и в шестьдесят с гаком все еще ведут себя как мальчишки.

«Кент» — действительно, парень прыткий, не любящий никуда опаздывать. И на искомую Беговую примчался — хоть сверяй по нему швейцарский хронометр — тютелька в тютельку. Точно по графику отправления в нужный микрорайон букашки-маршрутки со светящейся трафареткой на лбу. Название конечного пункта — «Автобаза» — мало что говорит людям непосвященным, и много чего — таким же, как Лев, заядлым автолюбителям, знающим о машинах и их производителях все плюс единица, в том числе и википедию лающего названия вот этого европейского концерна, простершего свои могущественные... руки? Нет. Лапы? Грубо... Присоски, вот. Или, если хотите, щупальца, во множество стран и пятюк континентов. Гигантский автомобильный осьминог запросто позволяет себе совершенно детский для него каприз: бесплатную доставку от близлежащих станций метро к заветным салонам потенциальных покупателей. А вместе с ними и праздных зевак, способных потом донести малой ли, большой ли аудитории все ахи-охи-ухи-вздохи об увиденном, узнанном, услышанном на УКВ, КВ, средней и длинной волнах сарафанного радио. «Ты плыви, моя лодка, плыви...» Что и требовалось доказать.

Ушлые менеджеры со стародавних времен знают и поощряют такие маркетинговые ходы — приглашение в салоны людей имущих и неимущих, как некогда римляне приглашали в Колизей на бой гладиаторов бедных и богатых, только предоставляя места ближе к арене богачам, а те, что подальше, — как раз неимущим, женщинам и детям (что с них возьмешь?..) Коллега Льва Сергеевича, патриарх конструкторского бюро, работавший еще в Наркомате путей сообщения на строительстве Московского метрополитена имени Лазаря Моисеевича Кагановича и приобщивший юного тогда Леву к автоспорту, частенько говорил молодежи: «Дети, живите шире. Человеку с кругозором курицы интересны только его корм и насест. Но мы же не курицы...» Точно! А расширяет кругозор многое, в том числе и залитые светом неоновых ламп огромные, как самолетные ангары, автомобильные салоны, где на любой вкус и цвет предлагаются машинки, за которые жители разных стран и континентов платят солидные баксы, евро, фунты, тугрики, пиастры... Или рубли. Одни — пропитанные трудовым потом, другие — пахнущие легким одеколоном с двусмысленным названием «Может быть»...

\* \* \*

Седуусый, аккуратно подстриженный, опрятно одетый господин с едва заметной белесой порослью на щеках, имеющий честь состоять в тесках со знаменитым автором «Войны и мира», молниеносно и в то же время как бы вскользь, окидывает соколиным взором то одного, то другого соседа по маршрутке, пытаясь быстренько вычислить, кто из них — сидящих справа и слева от него — есть кто и что собой представляет. Наиболее импонирует сейчас Льву Сергеевичу вон тот нахохлившийся мол-

чун, задумчивый мужичок, занявший место в полутемном салоне у заиндевшего окошка справа. Как цадик в виденной Львом однажды синагоге, пассажир молитвенно шевелит губами, устремив взор бирюзовых глаз к небу, точнее, на откидной люк маршрутки, задумчиво шкрябает хрящеватый нос. И в сотый, пожалуй, раз просчитывает в уме доход от сданной по системе «трейд ин» старой машины, вычисляя предстоящую доплату за новый автомобиль.

Тяжелые руки конопатого молчуна поочередно ощупывают карманы брюк, где, как безошибочно полагает Лев Сергеевич, греют дядьке ляжки пухлые пачки крупных наличных, завернутые в целлофановые пакеты и для надежности прихваченные еще, как резиновым жгутом поверх раны, разноцветными банковскими резинками.

Чудик заметно нервничает; он то покусывает губы, то ожесточенно гоняет желваки, то недовольно крутит головой, как потный конь, отгоняющий гривой оводов или слепней. Время от времени, оставляя в покое нос, он яростно потирает сильными, загорелыми, темными от солнца и земли пальцами остро выдающийся крепкий подбородок, словно желая сделать его еще острее, сильнее и закаленнее. Так ведет себя типичный футбольный болельщик, яростно егозящий на трибуне, когда до конца игры остается с гулькин нос, а на табло ноль-один в чужую пользу, и совершенно непонятно, забьют ли ответный гол, сравнивают ли счет эти наши пьяницы-нападающие, чтобы не покидать расстроенным фанатам спортивную арену с понурым видом.

В такие минуты нельзя трогать незнакомого, да и знакомого гражданина; огрызнется, накуксится, а то и пошлет... Что правильно сделает. Нечего лезть, когда не просят. Есть старое врачебное правило: не чесется — не чеши. То есть, не зовут — не суйся. Но... Все равно интересно бы узнать, откуда этого малого в наш Пекин занесло? Как в том анекдоте: «Откедова будешь?»

Лев Сергеевич, давно привыкший в своем конструкторском бюро косить с неподвижным видом глаза на сорок румбов в сторону, пытаюсь боковым зрением разглядеть, что же там под легкой юбкой у молоденькой копировщицы за соседним кульманом, изучает и сейчас, не поворачивая головы, одеяние своего соседа. Как говорится, скажи, во что ты одет, и я скажу, кто ты. На дядьке добротный зимний зипун с подкладкой из трех бездомных Тузиков — хищный мурманский ветер такой не прошибет, стой ты хоть лоцманом, хоть боцманом на бушприте в открытом море. Поверх тулупа вылинявший до безликого цвета цементного раствора меховой воротник и такого же колера малахай, не из кроличьего, а из заячьего меха — тоже верная преграда, допустим, архангельскому сиверко; свисти себе, ветрище, во всю широтищу, а... «Нам не страшен серый волк, нас у мамы целый полк!» — непременно сострила бы хохотунья Томочка... Значит, гость столицы — северянин. Норильск? Иркутск? Холмогоры — земляк Ломоносова? А если он из Коми — тогда как звать, комяк? Вот тебе и Маяковский: «Я русский бы выучил только за то...»

\* \* \*

— Здравствуйте! Здравствуйте! — будто встречая долгожданных сватов, заученно улыбаются во всю ширь жемчужных зубиков две птички-синички в белых блузах и синей униформе, занимающие стеклянную выгородку в пяти шагах от входа в салон.

— Мы можем вам в чем-то помочь? Ах, у вас уже назначено время... Кто, простите, ваш продавец-консультант? Понятно. Отдыхайте пока, он обслуживает сейчас очередного клиента, потом сразу к вам подойдет. Журналы, буклеты, чай? Перекусить? Наверху действует прекрасное кафе...

Михаил Алексеевич (так зовут северного викинга), сняв малахай, ошалело крутит лысеющей головой, насмерть сраженный невиданной в его суровых краях обходительностью. А Лев Сергеевич, хорошо знакомый с правильным подходом младшего административного персонала к посетителям, вежливо выставляет перед собой ладошку: «Нон-стоп, разберемся. А скажите-ка, барышни, какие сегодня у вас пряники?»

Мгновенно признав в седоусом аристократе своего — будь он из Красной Пресни или Ховрино — птички-синички доверительно щебечут:

— Если вы нацелены вот на такие модели, — ложится перед Львом Сергеевичем шикарный альбом блестящих шведских и французских новинок, — то классные скидки сегодня на утилизацию, плюс повышенный бонус от руководства фирмы за трейд ин и комплект зимней резины в подарок...

— Слышь, дочка, а если я, это, вчера сдал «Приору», а сегодня покупаю у вас «Ниву Шевроле», так она сегодня почему? — заметно портит тонкое общение на возвышенных тонах поторопившийся встрять в элитный разговор северный житель.

Окинув бесстрастным взором поверх зипуна окружающее пространство, одна из синичек негромко цедит: «Вы дождитесь, пожалуйста, своего продавца-консультанта, он конкретно ответит на все ваши вопросы».

Барышни деловито утыкаются в экраны ноутбуков, на одном из которых красуется старинный французский пасьянс Жозефины Богарне, на другом — примитивное приглашение сыграть в подкидного дурака, где для выяснения очевидного как раз не хватает одного партнера...

\* \* \*

Сунув под обеденный стол в кафе потрепанный портфель, помнящий эпоху послевоенного маршала Булганина («Баба завернула на дорожку свойский хлеб, сыр, колбасу»), скинув на свободный стул зипун, малахай и свитер, «ослобонившийся» Михаил Алексеевич — фермерские очки на самой пипочке носа — внимательно вчитывается в меню, медленно шевеля губами и честно пытаясь понять, что же такое стоит за этими тайными названиями — фондю, стейк, фрикасе... А вон, блин, вообще какая-то же... жо... жульена... Или жульен? Фермер беспомощно поднимает глаза на иронично улыбающегося москвича, вызвавшегося, дай ему Бог здоровья, помочь простому крестьянину в трудном «ресторанском» деле.

— Что-нибудь поняли?

— Ни хрена! — как на духу признается покоритель Арктики. — Слышь, Сергеич, ты это, ты, как говорится, сам тут покумекай, что к чему, я заплачу, не переживай. Бери на двоих, ну, там первое, чтоб горяченькое, второе, чтоб с коклеткой, и компот. А я пока схожу отолью; от самой Беговой терплю, представляешь? Уборная где тут у них, под лестницей? Ну, давай, действуй.

Близорукость не помешала Льву Сергеевичу разглядеть на бейджике имя полненькой официантки, в одиночку обслуживающей длинный ряд столиков — Юля. Ага, Юлечка. Уверенно обозначая указательным

пальцем нужные строчки на карте порционных блюд, тезка великого писателя подтвердил свое знание русской кухни, от которой, впрочем, сегодня осталось одно лишь название, с акцентом на второе слово.

Умеет Лев завоевывать сердца женщин! Вот и Юлечка очень уж расстаралась угодить импозантному гостю. За непродолжительное время мраморную столешницу украсили тарелочки-кокили с овощными салатиками, увенчанные поверх хрусткой капусточки, крохотных, маникюрного цвета помидорок и таких же лилипутов-корнишончиков алыми клюковками. Рядом, как на скатерти-самобранке, появились мелажницы с загадочным для комяка (гы-гы) или холмогорца (?) таинственным фондю. К ним притулились креманочки с горячими — с пылу-жару — сырниками в сопровождении маленьких соусниц, наполненных неправдоподобно белой, как алебастр, сметанкой... А вот «горячее», столь желанное для северянина, Юлечка попросила немножко обождать: обычно супы, щи, борщи салонная публика не заказывает, по-европейски предпочитая на обед только вторые блюда...

«Все так, Европа щи не знает,» — разминая, но не закуривая (нельзя!) сигаретку, задумчиво рассматривал большую витрину с выставленной в ней красавицей-елочкой Лев Сергеевич. Всего лишь в прошлом году, примерно в такое же время, он с Тамарой выбрался благодаря подаренной сыном и дочерью путевкой в благословенную Швейцарию, страну-праздник, обладательницу дивных природных красот и безумных шопинговых цен... Оторвавшись от назиданий экскурсовода и осточертевших за неделю таких же, как они, экскурсантов-соотечественников, супруги попали в маленький ресторанчик самого северного кантона, с трех сторон окруженного границей с Германией. Кажется, Шаффхаузен называлось то место? И русскоговорящий хозяин горного кабачка, Андрей, чьи родовые корни взяли начало от мамы-полячки и папы-русака, благополучно бежавших сюда в самом конце войны из гитлеровского концентрационного лагеря, благожелательно рассказывал им, какие именно швейцарские сыры идут на приготовление фирменного фондю («Чтобы вы знали, в Швейцарии никого никогда не обманывают, здесь с этим строго!»), в какой пропорции добавляют для вкуса мускатного ореха, совсем уж неожиданно — чесночка («Да, господа, да, нам нормально, а для немцев чеснок — «кноблех» — фи! — моветон, дурной вкус, как для нас горох, да? Но это для немцев»). Притащив мензурки и аптечные весы, Андрей наглядно показывал, сколько на одну порцию идет кирша. — Совершенно справедливо, это для приправы!, — благосклонно кивал в сторону догадливой Тамары светлой, как овчинное руно, бородкой очень похожий на молодого Достоевского Анджей-Андрей.

— Кирш — это всего лишь крепкая черешневая настоечка. Мадам не возражает попробовать ее отдельно? Дегустация — за счет заведения. Можно, я принесу?..

С улыбкой пребывая в подернутых дымкой времени воспоминаниях, Лев Сергеевич не сразу оторвал затуманенный взгляд от переливающейся огнями гирлянд новогодней елочки. А когда растаяло гипнотическое видение, и жизнь стала на свои места, глазам своим не поверил. Будто алый сполох северного сияния возник рядом с облегченно вздыхающим Михаилом Алексеевичем. То была... Раиса Матвейчук. Утреннее видение из сна собственной персоной!

— Левка! Кентяра! Ты куда пропал? Полгода тебя найти не могу.

— Я пропал? Ну, ты даешь... От самой ни слуху, ни духу, а я пропал...

— Ладно, Левчик, но будем считаться; что было вчера, то вчера, главное — сегодня нашлись.

Не обращая никакого внимания на застывшего в позе истукана северянина, Раиса махом длинной ноги отодвинула подальше превращенный в гардероб стул с наваленной верхней одеждой гостя Москвы, по-хозяйски скинула на спинку свободного стула свой норковый кардиганчик и, кокетливо поправляя прическу, продолжила лопотать о радости встречи, о том, как сумела разглядеть Левона (теперь он уже был в ее устах Левон) «в шумном зале ресторана», о своих делах...

— Левочка, но ты уж прости меня, что я тогда не смогла выбраться из своей Рублевки... кгм... к вам на провода, — виновато заглядывала в глаза Льву Сергеевичу Раиса. — Как раз попала на развод с тем, бывшим. А это же суды, приставы, иски, дележка, его противная рожа. Ой, я не могу...

Выплескивая горечь и прежнюю боль свою, Раиса не забывала деловым взглядом обшаривать яства на столе, выбирая из поданных Юлечкой блюд самое вкусное — румяные сырники. И с аппетитом приступила к их истреблению, щедро поливая каждый кусочек добрым сметанным соусом.

— Михаил Алексеевич, прошу прощения, это вот Раиса, друг семьи, понимаете, — смущенный суворовским натиском глубоко декольтированной дамы с разметавшимися по лбу рыжими кудряшками, резво ухмыляющейся не предназначенное ей «второе», и чувствующий глубокую неловкость перед гостем, оправдывался Лев Сергеевич. — Да вы берите вон еще один стульчик, садитесь, мы сейчас Юлечке повтор закажем...

Пропустив мимо ушей мало ее касающийся мужской разговор, Раиса доверительно, как к самой близкой подруге, приблизила заметно наштукатуренное свое личико к небритым щекам старого друга.

— Слышь, Левчик! Я после развода мотнулась в Сочи, кадра там себе отхватила, это нечто. Нет, зачем мне молодой? Ровесник. Бабла — море, он то ли полковник, то ли генерал в отставке, я в их погонах не тумкаю, говорит, всю жизнь на Колыме в каких-то кандалных войсках протрубил. Вдовец. Сразу «двушку» нам купил на Остоженке. Представляешь? Дурак, конечно, гольный, двух слов связать не может, а на третьем — мат. И ревнивый как бес, к каждому столбу цепляется. Зато, эхм-эхм, по ночам это просто секс-машина. Детей нет, и с моим Вадькой отношения не строит, отчим хренов... Зато, гляди, какую машиненку берет, «Рено-Каптур». Я видела, как ты и дверки мацал, и сидел в нем. Скажи, канделябр!

— Лев! — чуть помолчав, подняла лукавые глазенки на молчащего друга Раиса. — Слышь?

Она строго повела головой в сторону зло пощипывающего подбородок северянина: не прислушивайся, мол! (А он, ожидая подхода Юлечки с дубликатом сырников, и не думал прислушиваться к словам этой ведьмы крашеной).

— Ты мужчина, я понимаю... Но не спеши искать постоянную подругу, улавливаешь? Кандальщик мой на одних ингаляторах сидит, астма страшная, секаешь, да? Тогда на «Каптуре», ух как покатаемся, отвечаю!

Когда-то Левкина одноклассница, красотка-девочка с Зацепы Раиска Матвейчук, впоследствии так и не поменявшая свою фамилию ни при одном из мужей, шикарно танцевала в созданном при местном Доме куль-

туры железнодорожников хореографическом ансамбле «Калинка». И старые, искушенные зрители-балетоманы, подрагивая в такт музыке артритными ногами, чуть ли не пускали слюну от сладострастия, еле удерживая в мучнистых руках театральные бинокли и жадно всматриваясь в порхающие ножки, в то, как эта юная звездочка, прима районной сцены, абсолютно профессионально, в стиле Майи Плисецкой, крутит с левой ноги одно за другим обворожительные фуэте, «летя, как пух Эола»... Ей, поцелованной в темечко богиней Терпсихорой, и дальше бы двигаться по танцевальной дорожке, но тут хлынули на созревшую барышню, на это смачное яблочко любви за любовями... Браки, романы, разводы, не понять от кого рожденный хороший парень Вадим...

Требовательный писк мобильного телефона из кармана норкового кардиганчика Раисы прервал воцарившееся за столом молчание. Генеральский бас, с акцентом на глухие согласные, слушая которые Раиса как можно плотнее прижимала трубку ладошкой, говорил сам за себя. Без перевода.

— Ну, все, Левушка, я помчалась, Магадан меня уже ищет, — не понять, то ли с удовольствием от проявленной ревности колымского Отелло, то ли с осуждением к его низменным страстям снизошла, сделала, наконец, ручкой незнакомцу, объединенному ею Михаилу Алексеевичу, и дважды обцеловала воздух вокруг щетинистых щек Льва Сергеевича балластная Раиска, по-прежнему сохраняющая классную, ничуть не тронутую годами и разводами, рюмочную фигурку.

Выждав, пока протопают вниз по лестнице блестящие дорогой змеиной кожей, как перламутром, высокие сапожки незваной гостьи, Михаил Алексеевич повернулся к своему товарищу, понимающе усмехнулся и подмигнул: «Як кажут в нас, на Украины, не бачились давно и побачились — говно?»

Посмеявшись точности оценки, они с интересом наблюдали сверху за тем, как по-мальчишески сердито выговаривал что-то за опоздание Раисе старый муж, грозный муж, незаметно, из-под полы, грозя ей кулаком, а она отвечала ему искусно свернутой фигой.

«Рено Каптур», цвет комбинированный, прошу на выезд!» — отщелкало с запинками объявление одной из птичек-синичек по внутреннему динамичу.

— Каптур, каптур, — допивая заказанный «на третье» компот, сыто щурился северянин. — Звучит почти как Капур. А помнишь, Сергеич, мы пацанами пели песни Радж Капура?

— Хо! Еще бы! — оживился приунывший было москвич. — Весь Союз «Бродягу» тогда пел. Отвечаю! А после «Господина 420» что творилось... Ни в один кинотеатр было не попасть, билеты только по благу.

Разодет я, как картинка,  
Я в японских ботинках,  
В шапке русской большой,  
И с индийской душой...

Официантка Юлечка, намеревавшаяся подать клиентам счет, остановилась на полпути, с удивлением вслушиваясь в согласный дуэт тенора и баритона, без спевок и репетиций так дружно исполняющих неведомые ей очень интересные куплеты — хорошо, что веселые и без мата... А то здесь порой такая публика бывает — лучше не подходи...



«Легкий снег летит с утра, дуют синие ветра, стынет лес на озябшей заре», — уютно мурлычет нежным голоском дорожное радио в кабине новенькой «Нивы», благоприобретенной Михаилом Алексеевичем, любезно согласившимся подбросить славного своего друга-москвича прямо к его дому, на Зацепу. Но решительно отказавшемуся заночевать там...

— Не, не, еще чего, Сергеич. Спасибо, конечно, только у меня и так душа вся изболелась, как там баба моя одна со всем хозяйством справляется. Попросил я перед отъездом на пару-тройку дней соседку помочь, дак та робить не дюже, больше бы ей телевизор смотреть, тля ледащая... Так что погоню я свою «Шевроле» без остановок до самой хаты. Завтра к обедам как раз буду, а вечером со сватом обмоем новинку-то. Да как же, если мы личное подсобное держим? Куры, гуси, поросята. Сад, огород. И свое все, и на продажу есть чего — мясо, молочко, творожок, сметанка, на рынке влет все уходит. Сыроварню хочу открыть. Полтора десятка коров у нас — одни симменталки, дойные, вымя у каждой — с ведро, ей-ей, не брешу. А еще ж телятки, нетели, всех поить-кормить три раза в день надо, назем убирать... Труд, блин, не то что у этой, звезды крашенной. Из резиновых сапог не вылазим, гнемся без выходных, без проходных... А иначе где взять деньжат на машинку? Да и детям, внучатам, нет-нет, подкидывать надо. А как же, чай, не англичане. Ничего! Силенки еще есть, погоди, пару-тройку лет — мы и «Каптур» себе купим! — братски похлопав друга по плечу и обменявшись с ним номерами телефонов, прощается со Львом Сергеевичем у его девяностажного дома Михаил Алексеевич.

«Поплавский буги, Зиганшин рок, Федотов съел сырой сапог. Пока Зиганшин рок лабал, гармонь Поплавский доедал!..» — ух, как закатывается в хриплом смехе от разухабистой песенки радиощансонье уверенно правящий рулем кроссовера отставной генерал кандалных войск. Тот самый желтолицый друг степей, Константин Лаврентьевич, одно имя-отчество которого во время инспекционных поездок наводило ужас и на отбывающих длительные сроки уркаганов, и на сторожевой персонал всех раскиданных по необозримым просторам колымского края исправительных лагерей грозной системы УФСИН.

Искоса поглядывая на Раису, явно раздосадованную громогласно вставленным ей генеральским «пистоном» за опоздание всего-то на пять минут, Лаврентьевич благодушно хмурит брови, исподволь размышляя: «Ништяк, сойдет! А то расфуфырилась, мочалка. К кому в кафе бегала? Небось, к тому, с кем до меня шпокалась? Ща, на хазу прикатим, вкачу тебе стаканнице хеннеси с мартини, под один лимончик, сразу голубкой станешь...»

«Господи, скорее бы тебя Всевышний прибрал, астматик чертов! — как бы роясь в дамской сумочке в поисках карандашика помады, не поднимает глаз на довольно мурчащего супруга Раиса. — Томочку вон во цвете лет Левка потерял, — скорбно складывает колючком не раз подкачаннные ботексом губы бывшая одноклассница Льва Сергеевича. — А тебя никакая хвороба не берет, Аника-воин. Небось только и мыслей сейчас, как бы поскорее меня напоить, да это... Хотя бы! Пусть. Кайфануть в отключку, чтоб губы твои слюнявые ко мне не прикасались... А откинешь-

ся — сразу Левку у себя пропишу!» — повеселев, делает мужу глазками: «Ну-у, если ты так хочешь, я не против», — верная ему жена. Так и не станцевавшая в «Лебедином озере» прекрасную принцессу Одетту, превращенную проклятием злого колдуна Ротберга в лебедя... Все теперь. Едет несостоявшаяся балерина Большого театра Раиса Матвейчук на генеральскую хазу наемным пассажиром «Каптура». И сидит за рулем крючконосый хозяин золотой клетки с канарейкой. Он. Тот самый Ротберг... Как там пела в студенческих компаниях вечная заводила общежитских вечеринок одесситка Томочка: «А кто затронет нашу Навердыче, тому холера пусть сядет на живот!» Не гнева бога, хотя бы ему и села...

\* \* \*

По-холостячки, на скорую руку отварив в кастрюльке полпачки пельменей — памятник надо поставить тому, кто придумал эту универсальную еду, годную всем и вся утром, днем и вечером, — Лев Сергеевич, сидя в спортивных штанах и футболке напротив строгого портрета чем-то сегодня огорченной Тамары (ему ли, прожившему с ней сорок лет и три года, не знать выражения лица жены!), тихо пересказывает все события прошедшего дня, начав с трудяги-фермера, не забыв упомянуть перемены в жизни Раисы, а заодно изложить свое впечатление от мельком, но все же увиденного ее мужа — кандального и скандального генерала... Какой это он у нее? Уж и со счета сбился...

Тамара неодобрительно хмыкает. Как обычно, стоя вполоборота у плиты с кухонным полотенцем через плечо, назидательно роняет чересчур уж что-то разговорившемуся сегодня супругу:

— Ты, Ландау, чужих мужей не считай, понял? Раиска нормальная баба и друг настоящий. Кто мне передачи в онкологию таскал из бывших друзей, тех, что пил-ел, но вылезал из-за стола у нас? Только Раиса. Кто мне после химиотерапии французские и израильские таблетки доставал через своих ханыг рублевских? Раиса. А что на похороны не попала, так она же объяснила причину, я не в обиде на нее...

Лев Сергеевич согласно кивает головой, опрокидывает одним большим глотком чарку холодной водки, закусывая горячими пельмешками, обмакнутыми в горчичку, мелкую сольцу и черный молотый перчик. Но разговор не окончен. Отложи вилку, дослушай жену.

— Теперь вот что. Ты когда прекратишь по автомобильным салонам шляться? Мне от людей стыдно, сколько раз уж знакомые говорили: что это ваш муж там делает? И машину вроде бы не покупает, и на работе там не состоит... Консультирует кого-то? Да, говорю, консультирует. Ну, что скажешь? У тебя же ни машины, ни гаража, ни прав водительских нет и никогда не было, рос в нищете, я же помню вашу заводскую семью, где шесть ртов... Да? Ты о машине мечтал? С детства мечтал? Я понимаю, что ты мечтал в той нищете и о лыжах, и о коньках, и о гоночном велосипеде... Да мало ли кто о чем мечтал! Я вот тоже мечтала, — утирает кончиком кухонного полотенца краешек глаз Тамара, — мечтала дожить с тобой до глубокой старости, наших внуков, детишек Димкиных и Олеськиных поняичить. И что? Вы вот на Новый год соберетесь, встречать праздник будете, а я где встречу его? С кем? Одна под землей?

Чувствуя непреходящую дрожь в голосе Тамары и весьма ощутимое тремоло в своих руках, Лев Сергеевич торопится поскорее налить еще одну чарку спасительной горилки. Хлопает ее, не ощущая ни жара, ни

вкуса, как воду... И примирительно бормочет малость заплетающимся языком: «Ну, Томуль, разве Новый год я без тебя встречать буду, где-то веселиться? Куда я один пойду? И кто ко мне придет? Ты путаешь, детка. Димка наш до марта в экспедиции, его друг-геолог недавно звонил, вышли они на хорошую кладовую марганца, до весны теперь оттуда никуда. Олеська со своим Аликом тоже годик еще отпадут в Анголе, врачи в Африке на вес золота. Кстати, Алик меня и попросил по скайпу прицениться к машинкам... Не ругайся, солнышко. Мне и так без тебя горе...»

Лев Сергеевич хочет еще что-то сказать, но не договаривает, сокрушенно машет рукой, гоняя комок в горле...

— Ну, все, все, Левушка, успокойся, расстроила я тебя, — тает, тихнет, испаряется, улетая опять в космическое далеко-далеко родной голос жены. — Доедай свои пельмешки, мойся, ложись спать. И не питайся ты всухомятку, я тебя умоляю! Ну, рядом же это кафе «МУ-МУ», лень готовить — ходи туда, хотя бы в обед...

\* \* \*

Чудится или в самом деле звучит из прихожей телефонный звонок? Ах, да, мобильник остался в куртке, в шкафу...

— Але? Я слушаю.

— Сергеич, это ты? Але! Ты слышишь меня? Это я, Михаил, ну ты со мной сегодня машину брал. Я че звоню? Я это, с дороги тебе звоню. Чтой-то сейчас раздумался, грустный ты какой-то был сегодня, нет? Сергеич, ты это, ты давай, безо всякого, приезжай ко мне, а? Сыроварню можешь наладить, голова-то у тебя конструкторская. Подышишь нашим чистым воздухом, на лыжах побегаешь. А у моей хозяйки в погребе грибки маринованные, яблочки моченые, есть и окорочок копченый под самогоночку, ты такое фондю нигде в мире не едал... Заметано?

— Э-э-э... Ты что это завсклипывал, Лев Сергеевич? Ну, ну, прекрати, брат... Давай я тебе утречком еще разок перезвоню? Слышь, Радж Капур? Смеешься, бродяга? Вот теперь другое дело! Пока-пока! Отдыхай, Лев Сергеевич. До завтра!

